

«В МОСКВУ, НА ПЛЮЩИХУ»

17 новых текстов Герцена!
20 новых текстов Огарева!
Письма детей Герцена —
Александра, Натальи и Ольги,
московские записочки их матери
Н. А. Герцен, письма
Н. А. Тучковой-Огаревой за че-
тыре десятилетия, записки и
письма других людей ближай-
шего родственного и дружеско-
го окружения Герцена и Ога-
рева...

Государственный Литератур-
ный музей и его новый филиал
— Музей А. И. Герцена на
Сивцевом Вражке стали обла-
дателями значительной части
обширнейшего архива Астрако-
вых.

Известная нам до сих пор
переписка Герцена и Огарева
с Астраковыми обрывается в
конце 1850-х годов. Последний
из ныне найденных текстов
Герцена написан им за 27 дней
до смерти — 25 декабря 1869
года.

Первое из известных писем
А. И. Герцена, открывающее
эпистолярную герцениану в
собрании сочинений писателя в
тридцати томах, датировано
11 февраля 1832 года и обра-
щено к Н. И. Астракову.

Именно с Николая Ивановича
Астракова (1809—1842),
университетского товарища
Герцена и Огарева, талантлив-
ого ученого-математика, на-
чинается летопись знакомства
Герцена и Огарева с семьей
Астраковых.

Письма Астраковым адресо-
вали «В Москву, на Плющиху,
при выходе на Девичье поле,
в приход Воздвиженъ на
Овражках в собственный дом».
Здесь Николай Иванович посе-
лился со своей молодой женой
Татьяной Алексеевной и млад-
шим братом Сергеем Иванович-
ем.

С. И. Астраков (1816—1867),
талантливый, как и рано умер-
ший его брат, был из славной
породы одаренных механиков,
фантазеров, изобретателей,
разделивших, однако, горькую
участь непризнанных ученых-
одиночек. Известно, что еще
130 лет назад его научно-
технические замыслы про-
стирались до Луны и космоса и
в 1847 году в Париже Гер-
цен, вспоминая С. Астракова —
«почтенного кондуктора дили-
жанса на луну», — излагал,
«к великой радости фран-
цузов», его «проект о луне и
машине туда ездить». Письмо
своему «девичьпольскому»
другу он заключил словами:
«Жаль, смерть жаль, что
твои усилия не имеют досто-
стояния. Пока есть какая-
нибудь возможность... И Ас-
траков трудился, разрабатывал
проекты и испытывал модели
здесь же, на Плющихе, и все
надеялся внедрить и проект
усовершенствованного парово-
за — вездехода на паровом хо-
ду, и воздушного шара, и уже
упомянутого космического сна-
ряда, и внедрить именно здесь,
в родной России, бессмыслен-
но отвергнувшей все его на-
чания. Только в самых близких
своих друзьях, в первую оче-
редь в Герцене и Огареве, на-
ходил Астраков понимание и
поддержку.

Т. А. Астракова (1814—1892)
пережила всех, осталась вдовой
на долгие 50 лет, включившая
и время ее неизменной дружбы
с Герценами и Огаревыми, и
время ее беспредельной пред-
анности их памяти.

В 1853 году, в пору тягчай-
ших сомнений и горьких разду-

мий, когда уходили близкие и
изменяли друзья, Герцен пи-
сал об Астраковой: «Письма
от [Татьяны] Алексеевны —
единственная связь, оставшая-
ся у меня с Россией. Трусость
ее не одолевает». Дом Астра-
ковых стал надежным хранили-
щем рукописей и бумаг (Гер-
цен, уезжая за границу, оста-
вил у Астраковой часть своего
архива), а его хозяйка — бес-
страшной связью между Гер-
ценом и Россией. Известно,
что корреспонденция «государ-
ственного преступника» шла
через М. К. Рейхель и посту-
пала в Россию на имя Астра-
ковой.

В 1870-е годы, когда под-
ступала старость, одолевали
болезни и бедность, мучило
одиночество, невыносимость
настоящего помогало перене-
сить Астраковой прошлое, ос-
вященное ореолом «светлого
времени» Дружбы. Наталью
Александровну Герцен Татья-
на Алексеевна любила благо-
говейно, была ей фанатически
предана еще с тех далеких дней
1838 года, когда принимала са-
мое горячее участие в «похи-
щении» невесты Герцена из
дома Хованской.

Прошло 10 лет. Уехали Гер-
цены, потом Огаревы. Только
и связи осталось, что «нонен-
кие бумажки» писем. Она хра-
нила бережно и часто переби-
рала связки старых писем, про-
ставляя карандашом дату, е-
сли письмо «оставалось без воз-
раста», вспоминала. Боялась,
чтобы после ее смерти письма
не пропали, поэтому устраива-
ла их в надежные руки.

Многие отослала в 1873—1875
годах старшей дочери Герце-
на — Тате. Часть отдала
Т. П. Пассек, «кормилице кузи-
ны» Герцена, предпринявшей
в 1870-е годы издание воспо-
минаний о Герцене и заодно
уговорившей и саму Татьяну
Алексеевну писать мемуары.

Пожар, случившийся в доме
Астраковой в 1884 году, унес
много. Говоря об утрате,
Астракова писала Н. А. Тучко-
вой-Огаревой: «Но с чем я не
могу помириться и что меня
глубоко огорчает, это то, что
сгорели (пропали) все доро-
гие письма: Сатиной, Герцена,
Огарева и увы! — Натальи
Александровны (матери)... —
как вспомню, так слезы душ-
шат». 16 августа 1885 года она
вновь писала Тучковой, но те-
перь уже о счастливых наход-
ках: «Нашлись записочки Ната-
ши Герцен (московские), ваши
письма и Огарева из Петер-
бурга и заграничные — все это
разрознено, неполно, изорва-
но».

Трудно было себе пред-
ставить, что все это обна-
ружится вновь почти через
100 лет в значительном собра-
нии астраковских бумаг, охва-
тывающих пять десятилетий, с
1840-х по 1880-е годы.

ПОЧЕРК, ИЗЛУЧАЮЩИЙ ЭНЕРГИЮ

Последнее из известных пи-
сем Герцена к Астраковым на-
писано в 1856 году. На этой
же дате обрывается и огарев-
ская переписка с московскими
друзьями. Подлинники писем,
некогда переданные Астрако-
вой Пассек, не сохранились.
Известны они по их публи-
кациям в воспоминаниях
Пассек «Из дальних лет». Ори-
гиналы писем, полученных от
Астраковой Татой Герцен, те-
перь хранятся в Колумбийском
университете в Нью-Йорке.
Тексты их известны с 1958 го-

да благодаря инициативе «Ли-
тературного наследства».

Однако о значительной части
переписки Герцена и Огарева
с Астраковыми, в частности в
1860-е годы (а ее не могло не
быть!), мы не располагали ни-
какими сведениями.

Открытие пришло неожидан-
но и до будничного просто. В
Музее А. И. Герцена на Сивце-
вом Вражке, в доме, где про-
шла самая «возмужалая и дея-
тельная полоса» жизни Герце-
на в Москве и куда часто на-
ведывались с Плющихи Ас-
траковы, зазвонил телефон.
Женский голос сообщил:
хотелось бы показать со-
трудникам музея старинные бу-
маги, — наверно, здесь им
место, — тем более, что в бу-
магах этих часто встречается
имя Тучковой. Через несколь-
ко дней в мезонине дома-му-
зея, где когда-то помещался
герценовский кабинет, М. Н.
Жигадло, хранитель и старший
научный сотрудник, знакомится
с Натальей Сергеевной Анту-
шевой. Она пенсионер, старый,
заслуженный работник Метро-
строга. «Письма перешли ко
мне от мужа, Владимира Вла-
димировича Антушева, — рас-
сказывает владелица архива, —
отцом его был московский
врач, человек широких интере-

Таты, истинной хранительницы
семейной традиции, — четыр-
надцать, есть записки старше-
го сына Саши, а сколько за-
бавных каракулей и детских
рисунков!

Рука Герцена... Его почерк,
кажется, до сих пор излучаю-
щий энергию, нельзя спутать
ни с одним из почерков. Пись-
мо от 19 июня 1859 года, чис-
лящееся в списке неразыскан-
ных, с легким каламбуром ис-
тинно герценовского начала:
«Сейчас я писал к Ивану Сер-
геевичу (Аксакову, — И. Ж.) —
это ничего, но что теперь же
пишу к Сергею Ивановичу —
это редкий случай. Ну здрав-
ствуй и позволь тебя обнять
п — 1 раз (— 1 потому, что
раз ты должен обнять меня).
Еще неизвестные письма Гер-
цена, пронизанные юмором
приписки, некоторые подписа-
ны «Емилия», это для конспи-
рации. Связь с лондонским из-
данием может дорого обой-
тись москвичам, а письма их
из России нужны как воздух.
«NB. Прежде был хлеб с ма-
сом, а теперь письма», — при-
писывает Герцен к письму
Тучковой и Таты. «...Душевно
люблю вас, вы настоящие ста-
ро-москвичи — девичье по-
ла распольнички, христу богу
богомольнички», — каламбу-

РУКОЮ ГЕРЦЕНА

Найден архив Астраковых — московских друзей
Герцена. Из 500 документов 200 относятся непосред-
ственно к Герцену, проливая свет на ряд моментов
его жизни и деятельности.

За последние полвека в нашей стране ни разу не

собрать, живший дол-
гое время на Плющихе (!).

Первая мысль о знакомстве
Владимира Васильевича Анту-
шева с Т. А. Астраковой и за-
вещании ему архива вскоре
основательно подтверждается
их дружеской перепиской
1882—1891 годов. В свое вре-
мя Астракова поддержала бед-
ствовавших братьев Владимира
и Сергея Антушевых, в послед-
ние годы ее жизни они пришли
к ней на помощь.

В новой квартире Антуше-
вых, далеко от Плющихи, пе-
ребираем связки старых пи-
сем.

«Сергею Ивановичу Астра-
кову» и подписи «Весь Ваш
Сатин», «Любезная Татьяна
Алексеевна. Страшно грустно
было читать Ваше письмо...»
Латинский инициал N. Пишет
Н. А. Тучкова. Следующее ее
письмо из Крыма, куда они от-
правились с Огаревым в 1849
году в надежде перебраться к
Герцену. Подписи и приписок
Огарева нет, но письмо читает-
ся как коллективное (всюду
«мы»). Далее узнается мягкий
почерк Огарева — приписка к
письму Тучковой. Еще и еще
письма Огарева... Целая пачка
писем 1840—1850-х годов на
прозрачных листках с обра-
щением неизменно ласково-иро-
ничным: «Милая Вы барыня
моя, Татьяна Алексеевна». Это
от М. К. Эрн (Рейхель). Ей вы-
пало счастье встретиться с
Александром Герценом и стать
ему верным помощником и
другом.

В письмах Рейхель отражен-
ным светом проходит жизнь
Герцена, Огарева, их семьи.
Московские записочки Н. А.
Герцен — те, что чудом спасе-
ны во время пожара 1884 го-
да. Их тринадцать, ветхие,
прозрачные, почерк «невесо-
мый». В пачку вложена фото-
графия Н. А. Герцен с до-
черью Ольгой, присланная
Татой в 1873 году вместе с ее
письмом. «Взрослых» писем

рит Герцен, заканчивая огарев-
ское послание на Девичье по-
ле конца 1860 года. Очень
часто в письмах Тучковой и
Огарева звучит герценовская
интонация или передаются его
слова. («Схожу завтракать, а
Емилия говорит...», «Это про-
сто клад, говорит Емилия...»
и др.), а одно из писем напи-
сано Тучковой под диктовку
Герцена.

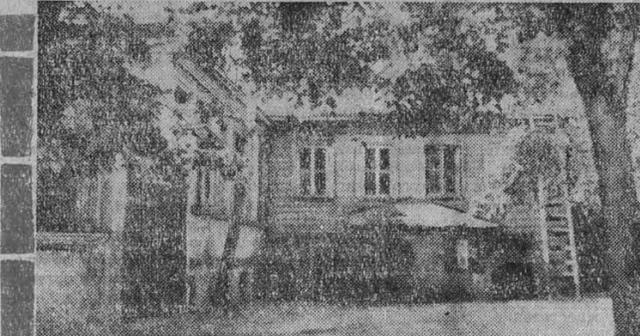
Последние герценовские
строки в письме Тучковой от
25 декабря 1869 года. Ее сле-
дующее письмо в траурной
рамке: «...Удар оглушил, отнял
понимание о прошлых уда-
рах...». Герцена больше нет.

Первые впечатления от архи-
ва сменяются более присталь-
ным чтением писем. И уже
очевидно, что это значитель-
ный вклад в науку, добав-
ляющий существенные тексты,
даты, штрихи в летопись жи-
зни и деятельности великого пи-
сателя-демократа.

«ТАК ТЯЖЕЛО, ЧТО СМЕРТЬ»

Многие из найденных писем
напоминают о времени «страш-
ных несчастий», обрушившихся
на герценовскую семью. В
конце ноября 1851 года до
Огарева и Тучковой уже до-
шло (через Астракова) известие
о гибели в кораблекрушении
матери Герцена и его сына
Коли. «...Ужасно темно на ду-
ше! Что станет с нами со
всеми!...», — пишет Тучкова
Астраковой.

Но несчастья не ходят в
одиночку. 8 мая 1852 года
М. К. Рейхель, присутствовав-
шая при последних часах жиз-
ни Н. А. Герцен, пишет Астра-
ковой: «Не знаю, как начать,
как сказать Вам, милая Татья-
на Алексеевна, паразит Вас
моя весть — та, которую Вы

Дом Астраковых на Плющихе

так любили, которую видеть
надеялись, не существует бо-
лее...» «Признаться, Сергей
Иванович, не чувствую ни ма-
лейшего желания греться на
солнце, которое бы не согрело
«NB. Прежде был хлеб с ма-
сом, а теперь письма», — при-
писывает Герцен к письму
Тучковой и Таты. «...Душевно
люблю вас, вы настоящие ста-
ро-москвичи — девичье по-
ла распольнички, христу богу
богомольнички», — каламбу-

суждени о Наташе. Да, это
была великая натура, и вы еще
ее не всю знаете. Ей я сколь-
ко мог памятник поставил —
этот памятник «Былое и думы»
— когда-нибудь вы прочтете —
ту часть, которая говорит о
последних годах.

По письмам прослеживается
жизнь герценовской семьи,
раскрываются характеры де-
тей, год за годом, они растут,

обнаруживался столь крупный массив документов,
связанных с Герценом и его окружением.

О находке, имеющей важное научное и культур-
ное значение, рассказывает заведующая Музеем
А. И. Герцена, кандидат исторических наук И. Жел-
вакова.

«какой-нибудь крошеч-
ный лоскутик ее рисования».
И это письмо, и приложенная
к нему записка Астраковой к
Саши Герцену — «Люби и ува-
жай своего отца...» — извест-
ны. Но вот ответы обоих Алек-
сандров Астраковых, вызвав-
шие их «горькие, тяжелые сле-
зы», до сих пор числились сре-
ди писем неразысканных. «Лю-
безная Таня, — пишет трина-
дцатилетний Саша 26 октября
1852 года из Лондона, — я
получил твое письмо и, прочи-
тав его, долго думал об этих
чужесных словах моей Мама-
ши, которые ты мне так живо
напомнила: я буду делать все,
что могу, чтоб исполнить то,
о чем Мамаша меня с такой
любовью просила...» К письму
— приписка. Сломленный,
накренувшийся почерк Герцена
трудно узнать. «Таня, — и я
тебя так хочу называть — твою
руку. Далеко от могилы, дале-
ко от детей, прибит бурей к чуж-
дому берегу. Все сломилось,
семья, дом, средоточье — узел
развязали и все рухнуло... —
О Господи, как я ждал сюда
Н (Тучкову, — И. Ж.) и ее бра-
та (Огарева, — И. Ж.) и еще
жду.

Посылаю волос и крепу. —
Брата Вы обнимите».

Сохранилось и письмо Гер-
цена от 7 марта 1853 года.
В письме — отзвук траге-
дий. Но оно написано че-
ловеком, уже нашедшим в се-
бе силы взять за главное в
жизни — Вольную типографию
и «Былое и думы». «У меня —
как у тебя Таня — есть про-
шедшее, я его перебираю...», —
пишет Герцен. Для работы над
«Былым и думами» важно по-
лучить оставленные в Москве
бумаги, и он просит Астракову
об их присылке: «А если кто
поедет, хотелось бы мне еще
письма, писанные до свадьбы».
Образ Н. А. Герцен выступает
из писем отчетливо и масшта-
бно, потому что письма адресо-
ваны Астраковой, лучше, чем
кто-либо другой, понимавшей
красоту и незаурядность этой
женщины. «Вы правы в одном
и безусловно, — пишет Гер-
цен 11 декабря 1860 года, —
за это-то я вас всегда считал
и теперь считаю в числе бли-
жайших друзей — это в вашем

«обрастают» собственной био-
графией. Характеристики тем
интереснее, что они под-
час разноречивы, потому
что исходят из разных «ста-
нов» — от Тучковой, трагиче-
ски нетерпимой, и от любящей
Рейхель или Огарева, у кото-
рого «ничего для себя. Для
собственной сердечной привя-
занности — кроме его...»

О многом Астраковы не ос-
ведомлены, друзья умалчива-
ют, и до Москвы доходит лишь
неясные слухи. Тучковой, на-
пример, трудно объяснить Та-
тьяне Алексеевне, «зачем мы
все враспыльную», почему се-
мья не может собраться под
единым кровом. Только в пись-
ме Тучковой, написанном
25 декабря 1869 года, ее на-
стоящий исповеди, — рассказ
о жизни, исполненной лице-
ний, недоразумений, тяжелых
тайн». На полях этого пись-
ма сверху приписка Гер-
цена: «Всякий раз строка от
вас будит так много образов
из иных времен, отводит за
слишком 30 лет — и так хочет-
ся вам позвать руку».

«СЛОМЛЕН, НО НЕ СОГНУТ»

Огаревские письма... Пер-
вые — еще из России. В
них постоянное, действительное
участие в судьбе своего талант-
ливого друга. Обеспокоен бо-
лезнью Сергея Ивановича, за-
няв продвижением его проек-
тов, хлопочет в Петербурге в
Академии наук о прохождении
его диссертации. Отъезд Ога-
рева в Лондон в 1856 году не
нарушает старые связи. Огарев
готов себе представить तो
«компанию на акциях», кото-
рая возьмется осуществить
проект астраковского паровоза,
то участие в этой компании
И. С. Аксакова, приехавшего в
Лондон в августе 1857 года
«Поговори с ним о своем па-
ровозе... Твой... проект мне бы
очень хотелось видеть осу-
ществленным в России, да и
всего полезнее он у нас...».

Мысль о приоритете России,
о ее техническом прогрессе
постоянно занимает Огарева:

А. И. Герцен (справа) и Н. П. Огарев. Лондон, 1860 г.

«...Отрадной пустить проект в
ход в России, чем у оных ино-
земцев, которые и без того
богаты и промышленны, грабят
свой народ и режут индейцев».

Письмо Огарева от 1 октября
1861 года. Написано в пору
апогея издательской деятель-
ности лондонских редакторов,
когда они занимают самую ре-
шительную, революционную
позицию. Думая о России и ее
будущности и не веря больше
в перспективы внедрения про-
ектов Астракова «дома», Ога-
рев заключает: «...При этой
общей системе, — ни ты, ни
он, ни Христос ничего не сде-
лают и единый исход из толче-
ния воды — это общая пере-
мена системы...» Таков вывод,
сделанный Огаревым, в част-
ности, и на примере судьбы
Астракова, вступившего в не-
равную борьбу с бюрократи-
ческим всевластием и научным
рутинерством. В данном слу-
чае итог этой борьбы был заре-
нее преддешен. «...Этот душо-
в и физически сильный чело-
век угас в чухотке» («Воспоми-
нания» Н. А. Тучковой-Ога-
ревой). «Он был моложе всех,
как это случилось — зачем?»
(Тучкова — Астраковой, 9
марта 1867 года).

«Сломлен, но не согнут» —
написали на его могиле.

«И ВЕДЬ ЗВОНИМ, ЗВОНИМ!..»

Адресаты Герцена и Ога-
рева — не политические или об-
щественные деятели. Связь с
Россией требует тщательной и
неукоснительно соблюдаемой
конспирации. И тем не менее в
письмах лондонских пропаган-
дистов «к неизменным старо-
москвичам» появляются выска-
зывания широкого обществен-
но-политического звучания.
Письмо Огарева от 14 апреля
1857 года подводит итоги го-
ду, прожитому им за грани-
цей: «В самом деле, я так по-
работал в этот год, а все ка-
жется мало. Деятельность,
Братец, да и только!» К боль-
шому письму Огарева Герцен
приписывает на полях: «...Ми-
лые, добрые, девичьполь-
ские друзья — словно мы
стали ближе с тех пор,
как вашего брата у нас на
Темзе прибыло...» Речь о при-
езде Огарева, которого Герцен
ждал как «величайшее и по-
следнее благо». Отсюда не-
далеко до «Колокола», до раз-
вертывания пропаганды.

Значительным вкладом в
Герцениану является уже цити-
рованное письмо Огарева и
Герцена от 11 декабря 1860 г.,
о существовании которого из-
вестно не было.

Пишет Огарев: «Друг Сер-
гей и милая Таня, рад я был
вашим письмам и тяжело чув-
ствовать, сколько вам там при-
ходится страдать и возиться с
мелкой дрянью жизни. Эта бли-
зость к мелочи втягивает не-
вольно к мрачному взгляду
на вещи, так как даль, из ко-
торой видны только массы, да-
ет надежды на огромное раз-
витие сил. Но, я думаю, ни
тем, ни другим нельзя увле-
каться. Есть элементы силы в
Истории — беспорочно: но что
всякая дрянь может задушить
их развитие — и об этом нель-

зая спорить. Из этих двух пре-
делов я вывожу только необхо-
димость работы».

Пишет Герцен: «Я совершен-
но согласен с Огаревым», что
близость к шероховатой сторо-
не нашей обыденной жизни —
поддерживает мрачное раздра-
жение — мешающее ясно ви-
деть, что под ней готовятся
иные силы. Плохо утешение,
что и везде — пошлость дохо-
дит до горла. Ex empiri
gratia! (например [лат.]) —
Ред.), не угодно ли посмотреть
бешенство рабства — в Америке
общей системе, — ни ты, ни
он, ни Христос ничего не сде-
лают и единый исход из толче-
ния воды — это общая пере-
мена системы...» Таков вывод,
сделанный Огаревым, в част-
ности, и на примере судьбы
Астракова, вступившего в не-
равную борьбу с бюрократи-
ческим всевластием и научным
рутинерством. В данном слу-
чае итог этой борьбы был заре-
нее преддешен. «...Этот душо-
в и физически сильный чело-
век угас в чухотке» («Воспоми-
нания» Н. А. Тучковой-Ога-
ревой). «Он был моложе всех,
как это случилось — зачем?»
(Тучкова — Астраковой, 9
марта 1867 года).

«Сломлен, но не согнут» —
написали на его могиле.

Значительное письмо Огарева
от 1 октября 1861 г. об «об-
щей перемене системы», напи-
санное, когда Россия ответила
на грабительскую реформу
1861 года шквалом студенче-
ских и крестьянских выступле-
ний. «Я думаю, что надо оста-
вить систему проваливаться от
собственной дряни и не помо-
гать ей, вводя мести на вре-
мя подчистки. Не подчистку
надо, а подготовку вне систе-
мы...».

Письма Герцена, Огарева
пронизаны горячей любовью к
России и неизменной верой,
что их деятельность на благо
России еще отзовется.

19 июня 1859 года Гер-
цен пишет к С. И. Астракову:
«Итак, верный Девичью полю
— гражданин ты все на том
же месте! — Как нас судьба-
то расшвыряла, я с Огаревым
пономарем в Фуламе (пред-
местье Лондона, где жили Гер-
цен и Огарев. — Ред.) и ведь
звоним, звоним, да и думаем
— авось либо звуки дойдут до
дружеских ушей — оно и ве-
селое.***

Материалы архива Астрако-
вых будут опубликованы в но-
вых герценовских томах «Ли-
тературного наследства», го-
товающихся коллективом советских
ученых под бесценным редак-
торством Сергея Александровича
Макашина. В эти тома
войдет множество неизвест-
ных документов, хранящихся
за рубежом и обнаруженных
на родине.

И кто знает, может быть,
новые книги «Литнаследства»,
как и создание герценовского
музея в Москве, станут могу-
щим полем притяжения еще не
разысканных и не собранных
материалов Герцена и Огарева.

И. ЖЕЛВАКОВА,
кандидат
исторических наук